

ЮЛИЯ СНЕГИРЬ

ЗЕРКАЛЬНЫЙ
ДВОЙНИК.

18+

Юлия Снегирь

Зеркальный двойник

«Автор»

2026

Снегирь Ю.

Зеркальный двойник / Ю. Снегирь — «Автор», 2026

Старая заброшенная изба хранила свои тайны больше века. Но когда Агафья переступила её порог, спасаясь от ледящего осеннего тумана, столетнее мутное зеркало в красном углу впервые пошло живой рябью. Сводящие с ума шорохи за спиной, запах болотной гнили и коварные духи-лихорадки, крадущие тепло из груди — это лишь начало кошмара. Из глубины старого стекла шагнуло то, что веками ждало своего часа. Сухая, бездушная тварь, пахнувшая вековой пылью, пришла забрать её жизнь, её дом и её лицо. Славянский хоррор, основанный на реальных поверьях и настоящих обрядах наших предков. Готовы ли вы узнать, какая изнанка скрывается в темноте за вашей печью?

© Снегирь Ю., 2026

© Автор, 2026

Юлия Снегирь

Зеркальный двойник

Зеркальный двойник

Юлия Снегирь

С поля Агафья вернулась затемно. Пальцы гудели, спину не разогнуть, а под ногтями намертво въелась черная земля. В избе пахло остывшей печью и сухой полыньей. Прежде чем лезть на лежанку, нужно смыть грязь, чтобы не нести её в чистую постель.

Она зачерпнула ковшом ледяной, пахнувшей старым деревом воды из дубового ушата, что стоял в сенях. Слила на руки. Суставы сразу заломило. Агафья плеснула в лицо, провела ладонями по щекам. Сон не смылся, а словно присыпался сверху серой золой.

Она подняла глаза на мутное зеркало в углу. Старое, в темных «мушках» по самому краю. Бабка привезла его еще из старого дома, и с той стороны на Агафью всегда смотрела не она, а какая-то чужая, уставшая женщина.

И замерла.

В зеркале она стояла, отвернувшись.

Спина ее двойника была неестественно прямой, а голова медленно, с сухим, деревянным треском, поворачивалась на сто восемьдесят градусов. Когда бледное лицо показалось из-за плеча, оно уже улыбалось. Улыбка трещала по уголкам рта, расходилась до самых ушей, а глаза под слипшимися прядями остались пустыми, как у утопленницы, что три дня пролежала в омуты.

Настоящая Агафья стояла не дыша. Горло перехватило старой веревкой. Она видела, как ее собственное отражение медленно подняло руку и приложило ладонь к стеклу изнутри.

С той стороны стекло не было гладким. Оно пошло рябью, как стоячая вода в бочке, покрылось зеленым илом. Пальцы двойника — длинные, с ногтями желтыми, как старая кость — впились в эту муть. Там, за зеркалом, что-то ворочалось. Тяжелое, темное, пахнущее прелой листвой и донной тиной.

— Пусти, — прошелестело отражение голосом, похожим на скрежет ножа по чугунку. — Сладко спишь, мягко стелешь. А я на дне лежу. Холодно мне в иле. Пусти погреться.

Агафья попятилась, споткнулась о низкую притолоку, ударилась плечом. Нужно отвернуться. Перекрести угол, смахни со стола хлебные крошки, зашепчи «Отче наш».

Она дернулась опустить глаза, но взгляд, как гвоздем, прибило к зеркалу.

Двойник прижался к стеклу всем лицом, расплющив нос. И начал медленно выдавливать свои глаза. Белки лопались, как перезревшая брусника, а на их месте проступала густая, черная вода.

— Смотри на меня, — прошелестела тварь. — Смотри, как я на тебя похожа.

Агафья зажмурилась до цветных пятен, до боли в висках. Замотала головой, заткнула уши.

— Крещу, не спущу. Чур меня, — прошептала она первое, что всплыло в памяти, и на ощупь, не открывая глаз, побрела к печи. Там, на голбце, бабка всегда оставляла хлеб для домового. Нужно было бросить соль за плечо, отгородиться...

Она сделала шаг в сторону, чтобы обойти лавку, и машинально открыла глаза, чтобы не упасть.

В мутном стекле старого серванта, что стоял в красном углу, она увидела себя.

Обычная Агафья. Помятая со сна, с красным пятном на лбу от удара о дерево. Она тяжело дышала, прижимая руку к ушибу. Отражение в серванте в точности повторило ее вздох. Кажется, обошлось. Наваждение, сонная дурь.

Агафья судорожно выдохнула. Нужно смыть эту грязь. Смыть с рук черную землю, пока она не впиталась в кожу. Она шагнула обратно к ушату, нащупывая на полке обмылок.

И в этот миг, на самом краю удушья, в голове Агафьи щелкнуло. Это не бабкино суеверие, это — правда. Мыло — оно ведь со скотским жиром, с печной золой, из самой земли сделано. Оно живое. Оно грязь ест. А эта тварь — она сама вода, сама смерть, сама пустота. Её живой грязью жечь надо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.